

Ясмина Войводић
Философский факультет
Загребский университет
jvojvodi@ffzg.hr

Jasmina Vojvodić
Faculty of Humanities and Social Sciences
University of Zagreb
jvojvodi@ffzg.hr

ПЬЯНЫЙ МАЛЕЦ ПИТЕРСКИЙ, ЛИРИЧЕСКИЙ СУБЪЕКТ
*ХРОНИК ЛОХ-НЕВСКОГО ЧУДОВИЩА**

DRUNK MALETS PITERSKY, THE LYRICAL SUBJECT
OF *HRONIKI LOH-NEVSKOGO CHUDOVISCHA*
(*THE CHRONICLE(S) OF THE LOCH NEVA MONSTER*)*

В тексте анализируется творчество Виктора Мальцева (псевд. Малец Питерский). Город Петербург является главной точкой и местом действия как его более ранних сборников, так и *Хроник Лох-невского чудовища*. *Хроники*, которые в своем названии обыгрывают «чудовище» петербургского пьянства (Лох-несский / Лох-невский) состоят из семи частей, которые образуют семь хроников — хронических алкоголиков. Стихотворные миниатюры (четверостишие и двустишие) в диалогической форме и тема пьянства приближают сборник к анакреонтической традиции, но и к другим формам фольклорной традиции (частушка, бечарац). Сильная интертекстуальная связь с русской классической литературой с множеством ассоциаций, связанных с алкогольной семантикой, как и постоянно пьяный лирический субъект, приводят к заключению, что речь в сборнике идет об опьянении пьянством.

Ключевые слова: Малец Питерский, *Хроники Лох-невского чудовища*, пьянство, анакреонтика.

The text discusses the oeuvre of Victor Maltsev (pseudonym Malets Pitersky). As is the case with his earlier collections, in *Hroniki Loh-nevskogo chudovischa* St. Petersburg remains the focal point and the main setting of the author's stories. The title of the

* Данная статья написана в рамках проекта «Русские литературные трансформации с 1990 по 2020 год» (IP-2020-02-2441), финансируемого Хорватским научным фондом.

** This paper was written as part of the project “Russian Literary Transformation from 1990 to 2020” (IP-2020-02-2441), funded by the Croatian Science Foundation.

collection embeds a pun referring to the “monster” of chronic drunkenness in St. Petersburg (Loh-Ness — Loch-Neva) and consists of seven parts dedicated to seven chroniclers, i. e., chronic drinkers. Miniatures in verse (quatrain and couplet) in the form of a dialogue, and the topic of drunkenness makes this collection resonate with Anacreontic verse and other folkloric traditions (e. g., *chastushka*, *bečarac*). A strong intertextuality with Russian classical literature which abounds in the semantics of drunkenness, and the continuously drunk lyrical subject lead to the conclusion that the collection portrays intoxication with drunkenness.

Key words: Malets Piterisky, *Hroniki Loh-nevskogo chudovischa*, drunkenness, Anacreontic verse.

Виктор Мальцев/Малец Питерский

Виктор Мальцев¹, известный под творческим псевдонимом Малец Питерский, является петербургским композитором, музыкантом, аранжировщиком и поэтом. В широкой гамме его интересов он работал и редактором, и сценаристом, а по его сценариям снято более ста передач. Мальцев является автором и исполнителем собственных песен, во многом связанных с Петербургом. Стоит только упомянуть названия его стихотворений, посвященных Северной столице, благодаря которым Виктора Мальцева справедливо можно называть Мальцем Питерским, псевдонимом, который он сам себе выбрал, или же «домовым города», как написано на сайте о его творчестве (https://vk.com/malets_piterisky). Это *Страсти по Питеру* (2001), *Петербуржники* (2002), *Сказ о Мальце Питерском и хане Крымском* (2003), *Литературные петербуржники* (2007), *Настольные петербуржники* (2008), *Петербуржники — 2* (2008), *Гадательные петербуржники* (2010), *Хроники Лох-невского чудовища* (2017), *Галантные петербуржники* (2019). К перечню стоит добавить сборники *1001 нетрезвая мысль на нетрезвую голову* (2006), *Разговорник для светских раутов и тусовок* (2013), *Словарь для интеллектуального общения* (2019), не содержащих в своем заглавии названия Петербурга, как и сборник *Витьки*, опубликованный в 2017 году, в соавторстве с Сержем Кибальчиком². Последний представляет собой петербургские миниатюры, или, как написано в подзаголовке сборника, «стихи и прозы, соображённые ночью на двоих и на троих».

Творчество Виктора Мальцева, как мы видим, связано с Петербургом и с малой формой, что частично уподобляется миниатюрам «Чижиков-пыжиков», т. е. городской (петербургской) шуточной поэзии, или же песенкам городского фольклора. Все «петербуржники» Виктора Мальцева — это диминутивные, краткие стихи (стишки), «сатирические эпиграммы, обы-

¹ Мне бы хотелось поблагодарить двух петербуржцев, коллегу Сергея Кибальника, который познакомил меня с Виктором Мальцевым, и, конечно, самого поэта Виктора Мальцева, подарившего мне свой замечательный сборник, который, говоря бартовскими словами, доставил мне удовольствие от чтения.

² Серж Кибальчик — это авторский псевдоним литературоведа и специалиста по Достоевскому Сергея Кибальника.

грывающие крылатые слова русского языка», как пишет Сергей Кибальник (2007: 119) в послесловии к *Литературным петербуржикам*. Данные лирико-сатирические эпиграммы приобретают выражение «истинно петербургское» (там же: 119), поскольку играют с городским топосом, его легендами и литературой. В интертекстуальной игре с классической поэзией Малец Питерский реанимирует жанры так называемой «Французской Антологии», которую образуют «краткие басни, сказки, нравственные мысли, надписи, мадригалы, эпиграммы, эпитафии и другие мелкие стихотворения» (там же: 120), причем его «петербуржики» творят новые «легкие» и игривые миниатюры.

Петербург, как в *Петербуржиках*, так и в *Хрониках Лох-невского чудовища*, является одной из центральных мальцевских тем. Город живет на протяжении всего сборника (городской топос, петербургские писатели и т. п.). *Хроники* состоят из семи частей, которые сразу раскрывают, что речь идет не о временной очередности, не о жанре, содержащем изложение исторических событий в их временной (хронологической) последовательности, мыслимой как хроника, летопись и т. п., а о нанизывании стихотворных частей семи хронических алкоголиков — хроников³. *Хроники Лох-невского чудовища* состоят из следующих частей: «Хроник 1-й. Вирившая персона», «Хроник 2-й. Бухлотекарь», «Хроник 3-й. Лицо в салате», «Хроник 4-й. Посударь», «Хроник 5-й. Винни Дух», «Хроник 6-й. Стаканозавр» и «Хроник 7-й. Урбанонид». Во всех, как мы видим уже в подзаголовках, закреплена двойная оптика («Виривший»: «Vip» и «выпивший»; «посударь»: «посуда» и «государь»; «стаканозавр»: «стакан» и «динозавр» и т. п.). Другими словами, их читать можно и так и иначе, но все они тематически связаны с алкоголем, который, как мы увидим ниже, и понимается двойственно.

Опьянение пьянством

Все хроники, от первого до седьмого являются пьяными, и это пьянство и опьянение выражены в нанизывании четверостиший и двустиший в быстром ритме, с чередующей рифмой (aabb, abab). Напр.:

День угасал... но так и не угас...
Я вспомнил: ночи белые у нас!
О, мать-природа! Милая чудачка!
А я-то думал — белая горячка! (7)⁴

³ Игра с понятием «хроника» и «хроник» в сборнике существует: «Я опишу геройства Ваши / В великих “Хрониках алкаши”!» (29).

⁴ Все цитаты из сборника Виктора Мальцева приводятся по изданию: *Хроники Лох-невского чудовища. Собранные и прилежно составленные Домовым Мальцом Питерским*. Петербург: Петрополис, 2017. В последующих примерах мы будем указывать только страницу. На обложке данного издания приводится название: *Хроники Лох-невского чудовища*.

Имею честь Вам сообщить,
 У Вас валяясь на кровати,
 Что красивой могли б Вы быть!
 А я трезвее мог быть, кстати... (83)

Ваш вид, мой друг, напоминает,
 Что утро добрым не бывает... (7)

Хроники представляют собой нанизывание одних и тех же форм со стихами из 9, 10 и 11 слогов, вокруг одной темы — алкоголя, выпивки, питья, в широкой гамме их значений. Петербургские «Чижики-пыжики» в этом смысле очень похожи на *Хроники* Мальцева. Они также связаны с пьянством и весельем: «Чижик-пыжик, где ты был? / На Фонтанке водку пил. / Выпил рюмку, выпил две — / Закружилось в голове»⁵.

Из *Хроников* можно извлечь существующие и поместить в них новые стихи, не мешающие общему тону опьянения. Это происходит благодаря обыгрыванию одной и той же темы, повторениям, возвращениям к одним и тем же мотивам: алкоголь, пьянство, опьянение, похмелье и т. п. *Хроники*, таким образом, несмотря на то, что их семь якобы разных алкоголиков, внушают бесконечное повторение одного и того же мотива. Они свидетельствуют о невозможности пьяному высказаться; при этом и сами стихи уподобляются пьяному состоянию, как, например, в следующем четверостишии с многоточиями и повторяющимся словом «скажу»:

Да... я скажу Вам... да... скажу...
 Но что? Пока еще не знаю...
 Пока что на полу лежу...
 И выражения подбираю... (64)

Пьяный лирический субъект, или же семь пьяных, говорит о пьянстве. Это на самом деле опьянение не определенным спиртным, а самим пьянством. Поэтому в *Хрониках* нет протекания времени, и «хроники» превращаются в анти-хронику (антивременную последовательность) пьяных петербургских алкоголиков. *Хроники Лох-невского чудовища* отвечают общему положению, что в России (в Петербурге как микрокосмосе), по словам Юрия Степанова, «выпивают не для удовольствия вкуса, не для того чтобы “отведать” той или иной водки, пьют, чтобы опьянеть» (2004: 326). Практически в каждой строфе выделяется алкогольная семантика. Таким образом, постоянно поддерживается пьяное напряжение, и пьянство предстает не как мотив, а является постоянной и единственной темой стихотворного сборника.

Алкогольная семантика выражается в состояниях и чувствах лирического субъекта: «белая горячка», «трезвым не бывать», «в нетрезвом состо-

⁵ Стихотворение «Чижик» существует и у Саши Черного, но не в «пьяных», а в детских стихотворениях, написанных в 1925 г. («*Детский остров*» и *другие стихотворения для детей*): напр., «Чижик, Чижик, где ты был?» / У Катюши кофе пил, / С булкой, с маслом, с молоком / И с копченым языком...», (Черный 2005).

янии», «в трансе», «в запое», «я пьян», «полупьян», «падать со стула», «чувство абстиненции», «тихонечко кататься», «идти зигзагами», «чувство любви крылатой», или же «как зюзя пьяный» и др. Выделяются также разного рода напитки с точным названием, наподобие портвейна, пива, водки, вина, водки с пивом, виски, самогона, коньяка, шампанского и др. Стоит выделить напр. «пивко», уменьшительное, ласкательное название пива, придающее спиртному не только веселый, но и домашний характер. Многие из авторов, которые писали о спиртных напитках, подчеркивали, что в спиртном «не следует видеть [...] только некое зло, „порок”» (Степанов 2004: 320), а и радость, и веселье. Диминутивным наименованием выделяется и водка, поскольку — «это вода, но в уменьшительном виде» (Похлебкин 2005: 7). «Кстати, “водка” (за исключением имен типа Валька, Петька) — редкий рудимент диминутива в русской современной лексике, который сохранился только потому, что название это, превратившееся в термин, было придано “вечному” напитку, продолжавшему веками существовать и процветать в обществе» (там же: 8). Сами *Петербуржники* (*Гадательные, Галантные, Настольные...*), как и вышеупомянутые «Чижики-пыжики», также являются диминутивными выражениями, связывающимися с весельем и радостью.

Глаголы, связанные с пьянством, также усиливают ритм стихотворений: «выпить надо», «поддаться», «мы пьем», «со мною выпить», «пьяным напиваться», «трезвым напитокся», «попить», «испить», «опохмелиться», «пропить», «допить», «упиться», «уходить в nirвану», «просыхать», «глушить все подряд» и др. Приводятся в «Хрониках» и разного рода меры и сосуды, семантически связанные с алкогольными напитками: бутылка, бутылочка, сосуд, литра полтора, рюмка, сто грамм, стакан, чаша, триста грамм, кубок, двести грамм («Моя культурная программа / Всегда рассчитана до грамма!», 15), пол-литра, банка из-под пива, полстакана, как и разные названия алкашей: пьяный, алкоголик, алкоголик-демократ, лох, зюзя и др.

Особенно занимательными являются выражения, жаргонизмы, авторские неологизмы и словосочетания, связанные с алкоголем. Эта «пьяная» терминология, образует в сборнике настоящий вакхический словарь: «самовыпивание», «программа рассчитана до грамма», «допившись до полушки», «туман пива и вина», «муза моего стакана», «в стельку напиваться» («А, как бы так... сказать стесняюсь.../Всё время в стельку напиваюсь», 15), «на рогах» (в смысле состояния сильного алкогольного опьянения: «Пройтись со мною на рогах», 17). Если речь идет о том, что надо просто выпить сто грамм, следует выражение «остограмить душу»; «водкопой» («Бредём с утра на водкопой», 76), «НЕОпохмелённый», «водочно любить» и т. п. Упоминается в стихах и Бахус, древнегреческий бог вина и виноделия, в игре слов с пьяным состоянием («Я Бахусом сегодня прибабахнут», 67). Кроме Бахуса в теме спиртных напитков, в том числе и водки, упоминается имя русского ученого Д. И. Менделеева, но в новой форме — Антименделеев: «Как Антименделеев, может быть, /Спирт от воды в стакане отде-

лить» (123). Здесь необходимо добавить, что Д. И. Менделеев в 1865 году защитил диссертацию *О соединении спирта с водой*, в которой рассматривал проблему идеального соотношения объема воды и спирта. Он провел смешение различных проб веса воды и спирта в водке, и оказалось, что идеальным содержанием спирта в водке должно быть признано 40 градусов и они могут получиться только при смешении точных весовых соотношений алкоголя и воды (Похлебкин 2005: 95; Степанов 2004: 337). Этот менделеевский состав водки был запатентован в 1894 г. правительством России как русская национальная водка (Похлебкин 2005: 95).

Не менее значительными являются выражения, связывающие еду и питье точнее, хлеб и водку, поскольку «хлебное вино», или «хлебной спирт» — это спиртное, водка. (Похлебкин 2005: 5, 32, 71; Степанов 2004: 318). Водка в *Хрониках* не раз приравнивается к еде: «Я не признаю никогда, / Что водка — это не еда!» (58); «Позвольте, сударь, в Вашу честь / Чего-нибудь спиртного съесть!» (19); «В стране у нас недоработки / С культурой пожирания водки!» (46); «Вы чего-то пополнили... / Водки, что ли, перели?» (46) и др. Одновременно это и удачное обыгрывание слова «хлеб». Водку изготавливают из хлеба, из пшеницы, ржи, представляющих базис, основу питания⁶. Хлеб сам по себе является и печеным пищевым продуктом, и пшеницей. Хлеб (пшеница), таким образом, есть основа для спиртного и для основного продукта питания, другими словами — основа жизни.

Литературная традиция

Хроники принадлежат к дионисийской литературной традиции, или скорее к анакреонтике, из-за простоты, изящества и игривости стихов, помещенных в один сборник⁷. Они также представляют собой минимализм, минимальную форму, выраженную в повторяющихся четверостишьях и двустишьях. В. Кулаков пишет о стратегии и тактике минимализма в современной русской поэзии, замечая, что «минимализм — безусловно, эстетика малого, “минимума”. Это особый тип художественной стратегии, актуализированный именно постмодернистской эпохой» (Куликов 1997). Суть минимализма в актуальной поэзии не в обращении к «минимальному», а в «минимальном обращении» (там же). О минимализме, в числе прочих, писал и хорватский исследователь Йосип Ужаревич (Užarević 2012), который к минимализму относит не только минимум средств, но и минимум художественного охвата. Последнее связано с редукционизмом. В жи-

⁶ В. В. Похлебкин в своей книге, между прочим, пишет об экономическом значении водки для средневекового государства, когда уже развивается винокурение. Поскольку изготовление хлебного вина базируется на мериле стоимости зерна, лежащем в основе экономики феодального государства, оно становится и объектом пристального внимания со стороны государства и государственной монополии (Похлебкин 2005: 33).

⁷ К анакреонтике в русской литературе обращались выдающиеся поэты, как Ломоносов, Тредьяковский, Херасков, Державин, Пушкин, Тютчев и другие.

вописи, например, минимализм может пониматься как редуционизм, в то время как в поэзии речь идет о (возможном) широком охвате, но в минимальной форме. О минимализме мы частично говорим в жанровом определении: миф, легенда, загадка, поговорка, сказка, анекдот. Эти формы связаны с мифологической культурой (см об этом: Jolles 2000, Solar 2004). К минимальным формам принадлежат и скороговорки, загадки, эпитафии, частушки, четверостишья и др. (Užarević 2012: 12). *Хроники Лох-невского чудовища* можно читать в традиции городского фольклора («Чижики-пыжики») или же как частушки, особенно имея в виду лирико-шутливые моменты, а также форму повторяющихся четверостиший и двустиший. В более широком перечне фольклорных форм *Хроники* примыкают к шутливому бечарацу⁸. Бечарац (bečarac) — это юмористическая народная песня Славонии, Барани и Срема, которую исполняет «бечар» (гуляка, пьяница; венг. betyár — «бетяр», в значении — разбойник, бродяга, а песня — бетярец). Бечарац не только вербальная, но и музыкальная форма, в четкой структуре которого чередуются десятисложные двустишья. В бечараце, как и в *Хрониках* варьируется одна и та же тема веселой любви, или же пьянства и опьянения:

Bečar ljubi, karta, puši, pije,
sve on radi što za njega nije.

(Бечар любит, курит, пьет, играет, /
все, что не для него, он делает.)

Meni kažu da sam bečar pravi,
jutros su me pronašli u travi.

(Мне говорят, что я бечар настоящий, /
утром меня нашли на траве лежащим.)⁹

В *Хрониках* же:

О, Вы, души моей царица!
Позвольте в Вашу честь напиток! (20)

или в форме четверостишья:

Я в жизни сам всего добился,
Сражаясь, словно на корриде,
И мыслить трезво научился,
Но только лишь в нетрезвом виде. (24)

Из-за постоянного повторения одной и той же темы, в наших примерах — пьянства, мы говорим о «поэтическом плетении словес», в котором

⁸ Бечарац с 2011 года включен в список нематериального культурного наследия ЮНЕСКО (Užarević 2012: 143).

⁹ Приведенные и подобные бечарцы можно найти на странице «Biblioteka Vedri duh», <https://vedriduh.com/parodije/parodija.php?parodija=1062-becarevi-becarci>

плетется венок слов, связанных с пьянством/опьянением во всех видах их проявления. В *Хрониках* происходит плетение венка какого-то одного смысла, темы, мотива или же одного слова. В них речь идет о «плетении венка» алкогольной семантики; сплетании алкогольной лексики, повторении одних и тех же мотивов и заплетании в узел сборника, в котором нет хронологической последовательности.

Опьяняющий мир *Хроников* или мир пьяного лирического субъекта позволяет ему сталкиваться с иным миром, с миром по ту сторону. Справедливо замечает Степанов, что универсальной чертой всех культур является опьянение «как переход опьянённого человека в иной мир, в мир потусторонний» (2004: 329). Этот «иной» мир может быть мир «высших добрых сил» (там же: 330), но он нередко вводит и в потустороннее мрачное пространство. Фольклорист и литературовед Андрей Львович Топорков приводит, что пьяный нередко становится достоянием злых сил и «как бы переносится в иную реальность» (1997: 173), в то время как Степанов приводит примеры заложных покойников, утопившихся молодых людей, умерших не своей смертью, как и опившихся водкой (2004: 330). В книге *История вина* (1999), в разделе «Пьянство и поиск потерянного рая», Сергей Ключников пишет, что выпивка соответствует тоске по утраченному раю (1999: 419), хотя, с другой стороны, пьяный легко становится «достоянием злых сил» (Топорков 1997: 173). Алкоголь, как мы видим, — «начало по своей природе двойственное, поэтому его символом вполне мог бы быть дракон, существо, способное вознести в небо и вместе с тем выступить как чудовище из подземелья, пожирающее души людей» (Ключников 1999: 423). «Зеленый змий» служит названием спиртного, из-за чего пьянство в фольклорных рассказах о «нечистиках» приписывается водяным чудовищам (см. Ключников 1999; Топорков 1997: 173)¹⁰. Наше «Лох-невское чудовище» раскрывает именно такую двойственную природу пьянства. Это чудовище (Лох-несское / Лох-невское) — змей/змий, который уничтожает, пожирает, но одновременно является знакомым, близким, «невским»/«петербургским» лохом, «нашим» лохом, удаляющимся от Лох-несса, и примыкающим к берегам Невы. Он превращает чужое, шотландское озеро (Loch Ness) и его чудовище (Loch Ness Monster) в «домашнего», «доброего», «близкого» пьяницу.

¹⁰ «Зеленый змий» — это название советского мультфильма Владимира Полковникова 1962 года. В фильме Баба-Яга и Черт запускают самогонный аппарат, который превращается в зеленого змия. Можно к этому перечню «зеленых» добавить, что дезоморфин (наркотическое средство, одна из модификаций структуры морфина) называется «крокодил», что также связывается с зеленым цветом, из-за чего не является странным название романа *Крокодил* Владимира Кантора (1990), главный герой которого пьяница Лева, и поэтому крокодил в его жизни играет немалую роль. В романе Кантора пребывают и другие крокодилы наподобие одноименного рассказа Достоевского, сатирического журнала *Крокодил* и т. п. А. Л. Топорков в свою очередь приводит пример романа Александра Кондратова *На берегах Ярыни* (1930), в котором изображается пьянство лешего и водяного (1997: 173).

Чудовище в сборнике упоминается попутно (напр., «народ окрыленный»), подтверждая семантику крылатого чудовища (змея/змия), а также непосредственно — Лох-невское, симпатично связывая «невское чудовище» («вы») с «петербургским лохом» («я») и одновременно противопоставляя их друг другу:

Я Вам скажу, моё сокровище,
 Что Вы — Лох-невское чудовище!
 А я, хоть, в общем, и неплох,
 Обычный петербургский лох! (91).

Нельзя забывать, что «зеленый змий» нередко связывается как с пьянством, так и с самим спиртным. «Зелье», наминающее «зеленого», бывает и чудовищем: «Мне подарило Ваше зелье / Часы блаженного безделья...», 92). Вильям Похлебкин в *Истории водки* пишет, что «зелье» — это «водка, настоенная на травах», «перегнанная с травами» (Похлебкин 2005: 75, см. также Степанов 2004: 329). Зельем в древности называли и ол, напиток подобный современному пиву, но приготавливали его не просто из ячменя, а добавляли хмель, полынь и другие травы — зелья (Похлебкин 2005: 16, см. также Влајић-Поповић 1997). На протяжении трех-четырех столетий в русском языке, в фольклоре и в художественной литературе в употреблении была группа терминов: «зельено вино», «зелено-вино», «зелье пагубное». Эти названия, по словам Похлебкина, имели реальную основу, поскольку означали «любой вид хлебного вина, любого качества, но сдобренного пряными, ароматическими или горькими травами, чаще всего хмелем, полынью, анисом, перцем или их сочетаниями» (Похлебкин 2005: 75).

Трансформации

Хроники Мальца Питерского вписываются в традицию постоянных трансформаций в общем расцвете поэтических жанров на рубеже веков (Шталь — Евграшкина 2018). Игра с субъектом, с его позицией, обыгрывание внетекстового субъекта, Виктор Мальцев / Малец Питерский, подчеркнутая текстовая Я позиция и диалог с Другим, ведут нас к диалогичности, непосредственно связанной с культурной диалогичностью или интертекстуальностью. Благодаря пьяному состоянию и возможности уходить в иной мир, в лирическом субъекте рождается поэт: «Вчера поэт во мне родился» (23). Интертекстуальность поддерживается пьянством, которое предполагает «двойную оптику», «диплопию», «удвоение» или диалог с Другим, но также и с культурой прошлого, выраженной во вторжении классического текста в современный. Или, наоборот, этот классический, нередко петербургский текст выходит наружу наподобие водяного, крылатого, зеленого «чудовища». С чудовищем связан и эпитафия из известного петербургского стихотворения Александра Блока «Незнакомка» (1906):

«Ты, право, пьяное чудовище!» Кроме блоковского текста¹¹, помещенного в начало сборника и задающего ему тон, в *Хрониках* существуют очень разные интертекстуальные связи и игры с классической литературой. Это бывают общие и хорошо знакомые цитаты, пословицы, крылатые слова, выражения, показывающие, что стихотворные *Хроники* находятся в живом диалоге с русской и европейской культурой:

Пьем мы с Вами не для «мон plezierу».
Наша цель — среди экстремальных сложностей
Показать и Городу, и Миру
Грани человеческих возможностей (9).

При этом, фр. *mon plaisir* — «моё удовольствие», является французским выражением, но одновременно «Монплеизир» — это и дворец в Петергофе, что сразу отсылает нас к Петербургу. Обращение же Городу и Миру (лат. *Urbi et orbi*), это обращение римского папы, торжественное благословение, обращенное ко всем, но тем не менее, связанное и с Петербургом-столицей, как миром наших пьяных хроников.

В сборнике особое ударение ставилось на выражение «Истина в вине» (*In vino veritas*), которое проявляется в разных направлениях и значениях. Истина/правда в вине расширяет поэтическое пространство в том, что лирический субъект таким образом разговаривает с традицией, и в том, что традиция под воздействием вина (спиртного) выходит наружу.

Ответьте, сударь, сразу мне,
Как стратегический попутчик:
Зачем нам истина в вине?
Ведь в водке ложь намного лучше! (20)

Похожий пример: «Не только истина в вине, / Она еще, пардон, и в водке», (36); «Да, сударь! Мы живём в такой стране, / Где вечен поиск истины в вине», (42). Хорошим примером является последнее четверостишие «Лица в салате»:

Доподлинно известно мне,
Что нету истины в вине!
А коль была она в вине,
Она давно уже во мне! (55)

Такие и похожие стихи появляются в части 4-ой, «Посударь», и особенно в части 7-й, «Урбаноид», с подзаголовком «Глазами кроликов». Все эти стихи обыгрывают тему латинского крылатого выражения, обозначающего, что в вине находится правда и эта «правда» раскрывается на разных уровнях. Игра со словосочетанием «Истина в вине» расширяется

¹¹ Последнее четверостишие стихотворения А. Блока: «В моей душе лежит сокровище, / И ключ поручен только мне! / Ты право, пьяное чудовище! / Я знаю: истина в вине» (Блок 2006).

и в том смысле, что значение мы читаем как «вина» (в смысле «проступок», «преступление»), ответственность за совершение какого-то деяния, см. Даль, Т. 1, 2003) и «вино» как алкогольный напиток.

В *Хрониках*, конечно, мы встречаем непосредственные цитаты из классической литературы, или только намеки на прецедентные тексты, которые снова можно связать с алкогольной семантикой. Лучшие примеры, связанные с классической литературой мы находим во второй части сборника «Бухлотекарь». Хорошим примером является горьковская пьеса *На дне*, получившая новое значение в алкогольном развертывании темы: на дне сосуда, бутылки и т. п. («Вы тут рассказывали мне / Про пьесу Горького “На дне”», 33). Упоминание имени Горького напоминает о горьком вине. Термин «горькое вино», отмеченный еще в XVI в. (Похлебкин: 2005: 75; Степанов 2004: 325), представлял особый класс водки, настоенной на травах. Однако *На дне* также подтверждает русскую традицию пить до дна, о чем писали многие исследователи (см., например, «наливать доплна, а пить до дна», Степанов 2004: 328). Стоит добавить, что дно/днище связывается и с типичной склонностью русских к крайностям (см. Ключников 1999: 414): радость-тоска, полный-пустой стакан, верх-дно и т. п.

Классическую литературу, прочитывающуюся в горьковском тексте, мы встречаем в части «Бухлотекарь», которая заканчивается двестишестью: «Как, господа, вы ни садитесь, / Все поутру опохмелитесь» (37). Данный пример нас непосредственно отсылает к концовке басни Крылова «Квартет»: «А вы, друзья, как ни садитесь, / Все в музыканты не годитесь» (Крылов 2017).

В стихах *Хроников* есть ссылки на М. Ю. Лермонтова: «Друзья мои! Наперсники разврата! / Последние пол литра кто запрятал?» (28). В данном примере прочитываются стихи Лермонтова: «Но, есть и божий суд, наперсники разврата!», из стихотворения «Смерть поэта», посвященного А. С. Пушкину (Лермонтов 1964: 21–23). В *Хрониках* очень много ссылок на Пушкина, на отрывки из его биографии (напр., «Да... у соседа Болдинская осень / И потому он трезвым не бывает...», 31, что указывает на самую продуктивную пору Пушкина, а в мире *Хроников* представляет самый нетрезвый период, или опрокидывание бинаризма: опьянение работой / опьянение алкоголем).

Сам лирический субъект произносит имена и Лермонтова и Пушкина, не скрывая цитаты:

С утра, друзья, я Пушкиным рождаюсь,
Днём Лермонтова сердце в грудь стучит,
Но к вечеру как зюзя напиваюсь,
И гордо до утра мой дар молчит. (33, выделено мной — Я. В.)

Выделенная мной часть третьего стиха, «как зюзя напиваюсь», появляется в *Евгении Онегине* (Пушкин 1968, 6, V: 102):

В нем злую храбрость выхвалял:
 Он, правда, в туз из пистолета
 В пяти саженьях попалал,
 И то сказать, что и в сраженье
 Раз в настоящем упоенье
 Он отличился, смело в грязь
 С коня калмыцкого сваясь,
 Как зюзя пьяный, и французам
 Достался в плен: драгой залог!
 Новейший Регул, чести бог,
 Готовый вновь предаться узам,
 Чтоб каждым утром у Вери
 В долг осушать бутылки три. (курсив мой — Я. В.)

В приведенной части из шестой главы *Евгения Онегина* описывается Зарецкий, некогда «буян», «повеса», «трибун трактирный» и его «гусарская» поре жизни. В части мальцевского стиха «Как зюзя пьяный», цитируется не только Пушкин, но и Денис Васильевич Давыдов. На «пьяный» стих Давыдова, на который ссылается Пушкин, указывал Ю. М. Лотман в комментариях к *Евгению Онегину*, подчеркивая, что упомянутое выражение взято «из “гусарского языка”». Специфический “гвардейский язык”, имевший характерные подразделения по родам войск и даже полкам, отличался особым синонимическим богатством в описании состояния и стадий опьянения» (Лотман 1995: 669). Само выражение «как зюзя» в поэзию, по мнению Лотмана, ввел Д. В. Давыдов: «А завтра — черт возьми! — как зюзя натянуся, / На тройке ухарской стрелою полечу...» (цит. по Лотман, там же), и, таким образом, можно выстроить ряд «пьяных», «зюзевских» цитат: Давыдов-Пушкин-Мальцев.

Пушкин и его стихи появляются в сборнике в разных местах и мы могли бы сказать, что Александр Сергеевич является центральной фигурой, с которой живут хроники и *Хроники*:

Величья подлинного миг —
 Когда на берегу залива
 Я памятник себе воздвиг
 Нерукотворного разлива (33).

Безошибочно прочитывается пушкинское стихотворение: «Я памятник себе воздвиг нерукотворный», названное по известной оде Горация «*Exegi monumentum*». Конечно, в *Хрониках* с игрой словами «залив» и «разлив», отсылающим здесь не столько к Неве и Финскому заливу, сколько к «разливу» спиртного, пушкинским стихам снова придается двойное значение.

Известное стихотворение Федора Тютчева (1866):

Умом Россию не понять,
 Аршином общим не измерить:

У ней особенная статья —
В Россию можно только верить

получает в *Хрониках* новое значение, причем стоит обратить особенное внимание на изменение ритма. Если в стихотворении Тютчева сильным местом является последний стих, перед которым тире, тормозящее высказывание последнего стиха, то в четверостишии Мальцева ударение не перед последней строкой, а точно на последней строке, на слове «это», выделенном многоточиями, симулирующими пьяное заплетание языка и нарушение плавной речи:

Извольте во внимание принять,
Что Вам умом Россию не понять.
Умом лишь тот Россию понимает,
Кто непрерывно... это... принимает (18).

Кроме стихов, которые формально примыкают к стихотворной форме самих *Хроников*, лирический субъект ссылается и на прозаический текст прошлого, каким, например, является *Преступление и наказание* Ф. М. Достоевского:

Сегодня я, допившись до полушки¹²,
Пошел домой к процентщице-старушке
И, Достоевскому наперекор,
Ей заложил любимый свой топор (24).

Интересным образом связываются ссылки на Гоголя и Пушкина в одном четверостишии:

Куда несут нас верные копыта?
И на какой неверной стороне,
Туманом пива и вина покрытой,
В расветной мгле опустятся оне? (25)

В обыгрывании мотива птицы-тройки из лирического отступления раскрывается диалог с *Мертвыми душами* Н. В. Гоголя: «Не так ли и ты, Русь, что бойкая необгонимая тройка, несешься?» (Гоголь 1953: 258), или еще: «Русь, куда ж несешься ты, дай ответ?» (там же: 259). Но, тем не менее, мы узнаем в мальцевском четверостишии, не только гоголевскую поэму, но и поэму «Медный всадник» Пушкина: «Куда ты скачешь, гордый конь, / И где опустишь ты копыта?», 1968: 462). Пушкинско-гоголевские цитаты в *Хрониках* Мальцева обобщают пьянство, переселяя его из индивидуально-безымянного субъекта, домашнего петербургского лоха, в обобщенного русского, живущего в «тумане пива и вина».

¹² Само выражение «до полушки» является довольно интересным, хотя его анализ выходит за рамки нашего непосредственного интереса в данной статье. Полушка — это старинная монета (см. Даль, т. 3, 2003), а само словосочетание «до полушки» представляет «грошик», «безделицу», хотя в приведенном нами примере — это значит полностью, допьяна.

Хроники Мальца Питерского несомненно насыщены ссылками на традиционную, классическую литературу, и, таким образом, современный стихотворный текст говорит с этой традицией, вовлекая ее в алкогольную семантику стихотворных миниатюр. Веселый, никому не желающий зла лирический субъект в пьянстве увеселяет себя и вредит сам себе. Он играет с предрассудками и общим мнением, что пьянство, хотя и понимается как порок, является и формой «добродетели», доказывающей особенности национального русского характера: «широту души, добросердечие и все-ленскую тоску по идеалу» (Травер 2013).

Нанизывание ссылок и цитат, кажется, невозможно закончить; они перпетуируются, точно как алкогольная жидкость или же слова, которые. «изливаясь», живут в непрерывном (хроническом) пьяном состоянии лирического субъекта. Страсть к питью, о чем речь идет в *Хрониках*, заключается в одинаковой мере и в страсти к собственной традиции. Она живет в пьяном виде хроников, благодаря усилению чувств под воздействием спиртного. Пьянство в сборнике лирических миниатюр показывает, что пьяный не забывает, а наоборот, помнит литературную традицию с которой играет, и благодаря его пьяному состоянию, более четко выражается, следуя латинской поговорке: «истина в вине».

Однако, несмотря на радость питья, раскрывающуюся в сборнике, при рассмотрении его композиции заметно, что *Хроники* заканчиваются просьбой не пить: «Вам жить — вы не пейте!» (125). Обращение к другому здесь выходит за рамки веселого обращения пьяного лирического субъекта. Жизненная радость, подкрепленная алкоголем, которая прославляется в *Хрониках*, заканчивается просьбой жить без пьянства, в трезвом состоянии. Четверостишья и двестишья мальцевских петербургских *Хроников* заканчиваются моностихом. С другой стороны, название сборника, понимаемое как первый стих, полностью согласовано с последним стихом, и они образуют двестишье. При этом «пьяные» и опьяняющие стихи *Хроников Лох-невского чудовища* заканчиваются повелительным наклоением, обобщением, с обращением «высшего голоса» к хроническим алкашам. Моностих в повелительном наклонении в конце вступает в диалог с заглавием: «Хроники Лох-невского чудовища // Вам жить — вы не пейте!»

Игра все-таки продолжается, поскольку после окончательного стиха следует постскрипtum, благодаря которому *Хроники*, несмотря на закрытую (замкнутую в свой мир и в стихи, развертывающие одну и ту же тему) форму, устремлены в бесконечность.

ЛИТЕРАТУРА

- Блок Александр. *Стихотворения. Книга вторая (1904–1908)*, 2006. <http://az.lib.ru/b/blok_a_a/text_0052.shtml> 10.07.2022.
 Влајић-Поповић Јасна. «Сх. оловина „старинско пиће налик пиву“». Ајдачић Дејан (ур.) *Кодови словенских култура*. Бр. 2, год. 2. Београд: Слио, 1997: 163–169.

- Гоголь Николай. *Мертвые души. Поэма*. Гоголь Николай. *Собрание сочинений*. В 6 т. Т. 5. Москва: ГИХЛ, 1953.
- Даль Владимир. *Толковый словарь великорусского языка*. Т. 1. — Т. 3. Москва: Русский язык Медиа, 2003.
- Кибальник Сергей. «Звонок из Пушкинского дома». Питерский Малец. *Литературные Петербуржники*. Санкт-Петербург: ИД «Петрополис», 2007: 119–120.
- Ключников Сергей (сост.). *История вина в цивилизации и литературе*. Москва: Беловодье, 1999.
- Крылов Иван. *Собрание сочинений*, 2017. <http://az.lib.ru/k/krylow_i_a/> 10.07.2022.
- Кулаков Владислав. «Минимализм: стратегия и тактика». *Новое литературное обозрение* 4 (1997) <<https://magazines.gorky.media/nlo/1997/4/minimalizm-strategiya-i-taktika.html>> 04.10.2022.
- Лермонтов Михаил. *Собрание сочинений*. Т. 1. Стихотворения. Москва: Издательство «Художественная литература», 1964.
- Лотман Юрий. *Пушкин. Биография писателя. Статьи и заметки 1960–1990. «Евгений Онегин». Комментарий*. СПб: Искусство-СПб, 1995.
- Питерский Малец. *Хроники Лох-невского чудовища. Собранные и прилежно составленные Домовым Мальцом Питерским*. СПб: Издательство Петрополис, 2017.
- Похлебкин Вильям. *История водки*. Москва: Центрополиграф, 2005. <http://data.lact.ru/f1/s/20/303/basic/1654/509/Pohl_bkin_Vilyam_Vasilevich_-_Istoriya_vodki.pdf> 04.04.2022.
- Пушкин Александр. *Избранные произведения*. Т. 2. Москва: Издательство «Художественная литература», 1968.
- Степанов Юрий. «Водка и пьянство». Степанов Юрий. *Константы: словарь русской культуры. Издание 3-е, исправленное и дополненное*. Москва: Академический проект, 2004: 317–338.
- Топорков Андрей. «Русское пьянство: символика и ритуальные особенности». Аждачић Дејан (ур.). *Кодови словенских култура*. Бр. 2, год. 2. Београд: Cluo, 1997: 170–177.
- Травер Полина. «История и образ кабака и трактира в русской культуре. Ч. 2. О русском пьянстве: предрассудки, грустная действительность или глубокая традиция». *История и современность* 2 (2013): 90–109.
- Тютчев Федор. Стихотворения. <http://az.lib.ru/t/tjutchew_f_i/text_0010.shtml> 20.10.2022.
- Черный Саша. «Детский остров» и другие стихотворения для детей. 2005. <http://az.lib.ru/c/chernyj_s/text_0020.shtml> 30.09.2022.
- Шталь Хенрике — Евграшкина Екатерина (ред./сост.). *Субъект в новейшей русскоязычной поэзии — теория и практика*. Berlin: Peter Lang, 2018.
- Jolles André. *Jednostavni oblici*. Prev. V. Biti. Zagreb: Matica hrvatska, 2000.
- Solar Milivoj. 2004. *Ideja i priča*. Zagreb: Golden marketing — Tehnička knjiga, 2004.
- Užarević Josip. *Književni minimalizam*. Zagreb: Disput, 2012.

REFERENCES

- Blok Aleksandr. *Stikhotvoreniya. Kniga vtoraya (1904–1908)* 2006. <http://az.lib.ru/b/blok_a_a/text_0052.shtml> 10.07.2022.
- Chernyj Sasha. „Detskij ostrov“ i drugie stikhotvoreniya dlya detej. 2005. <http://az.lib.ru/c/chernyj_s/text_0020.shtml> 30.09.2022.
- Dal' Vladimir. *Tolkovij slovar' velikorusskogo yazyka. T.1.-T.3*. Moskva: Russkij jazyk Media, 2003.
- Gogol' Nikolaj. *Mertvyje dushi. Poema*. Gogol' Nikolaj. *Sobranie sochinenij v shesti tomakh. Tom shestoj*. Moskva: GIHL, 1953.
- Jolles André. *Jednostavni oblici*. Prev. V. Biti. Zagreb: Matica hrvatska, 2000.
- Kibal'nik Sergej. 2007. „Zvonok iz Pushkinskogo doma“. Malets Pieterskij. *Literaturnye Peterburzhiki*. Sankt-Peterburg: ID „Petropolis“, 2007: 119–120.
- Klyuchnikov Sergej (sost.). *Istoriya vina v tsivilizatsii i literature*. Moskva: Belovod'e, 1999.

- Krylov Ivan. *Sobranie sochinenij*, 2017. <http://az.lib.ru/k/krylow_i_a/> 10.07.2022.
- Kulakov Vladislav. "Minimalizm: strategiya i taktika". *Novoe literaturnoe obozrenie* 4 (1997) <<https://magazines.gorky.media/nlo/1997/4/minimalizm-strategiya-i-taktika.html>> 04.10.2022.
- Lermontov Mihaïl. *Sobranie sochinenij*. T. 1. Stikhotvoreniya. Moskva: Izdatel'stvo „Khudozhestvennaya literatura“, 1964.
- Lotman Jurij. *Pushkin. Biografiya pisatelya. Stat'i i zametki 1960–1990*. „Evgenij Onegin“. *Kommentarij*. SPb: Iskusstvo- SPb, 1995.
- Piterskiy Malets. *Khroniki Lokh-nevskogo chudovischa. Sobrannye i prilozhno sostavlennye Dmovym Mal'tsom Piterskim*. SPb: Izdatel'stvo Petropolis, 2017.
- Pokhlebkî Vil'yam. *Istoriya vodki*. Moskva: Tsentropoligraph, 2005. <http://data.lact.ru/f1/s/20/303/basic/1654/509/Pohl_bkin_Vilyam_Vasilevich_-_Istoriya_vodki.pdf> 04.04.2022.
- Pushkin Aleksandr. *Izbrannye proizvedeniya*. T. 2. Moskva: Izdatel'stvo „Khudozhestvennaya literatura“, 1968.
- Shtal' Henrike — Evgrashkina Ekaterina (red./sost.). *Sub'ekt v novejshej russkoyazychnoj poezii — teoriya i praktika*. Berlin: Peter Lang, 2018.
- Solar Milivoj. 2004. *Ideja i priča*. Zagreb: Golden marketing, Tehnička knjiga, 2004.
- Stepanov Yuriy. „Vodka i p'janstvo“. Stepanov Yuriy. *Konstanty: slovar' russkoj kul'tury. Izdanie 3-e, ispravlennoe i dopolneno*. Moskva: Akademicheskij proekt, 2004: 317–338.
- Toporkov Andrej. „Russkoe p'janstvo: simbolika i ritual'nye osobennosti“. Ajdachich Dejan (ur.). *Kodovi slovenskih kultura*. Br. 2, god. 2. Beograd: Clio, 1997: 170–177.
- Traver Polina. „Istorija i obraz kabaka i traktira v russkoj kul'ture“. Ch. 2. O russkom p'janstve: predrassudki, grustnaya dejstvitel'nost' ili glubokaya traditsiya“. *Istoriya i sovremennost'* 2 (2013): 90–109.
- Tyutchev Fedor. *Stikhotvoreniya*. <http://az.lib.ru/t/tjutchew_f_i/text_0010.shtml> 20.10.2022.
- Užarević Josip. *Književni minimalizam*. Zagreb: Disput, 2012.
- Vlaich-Popovich Jasna. „Sh. olovina 'starinskih piche nalik pivu'“. Ajdachich Dejan (ur.). *Kodovi slovenskih kultura*, br. 2, god. 2. Beograd: Clio, 1997: 163–169.

Јасмина Војводић

ПИЈАНИ МАЛИ ОД ПИТЕРА, ЛИРСКИ СУБЈЕКАТ
ХРОНИКА ЛОХ НЕВСКОГ ЧУДОВИШТА

Резиме

У тексту се анализира стваралаштво Виктора Маљцева (псеудоним Мали од Питера). Град Петербург је главна тачка и место одигравања радње како у његовим раним збиркама, тако и у *Хроникама Лох Невског чудовишћа*. Хронике, које у свом наслову садрже поигравање са „чудовиштем“ петербуршког пијанства (Лох Нески/Лох Невски) састоје се из седам делова, које сачињавају седам хроничара — хроничних алкохоличара. Песничке минијатуре (катрен и дистих) у дијалашкој форми и тематика пијанства приближавају збирку анакреонтској традицији, али и другим облицима фолклорне традиције (частушка¹³, бећарац). Снажна интертекстуална веза са руском класичном књижевношћу, са мноштвом асоцијација везаним за алкохолну семантику, као и константно пијани лирски субјекат, наводе на закључак да је у збирци реч о опијености пијанством.

Кључне речи: Мали од Питера, *Хронике Лох Невског чудовишћа*, пијанство, анакреонтика.

¹³ Кратка руска народна шалџива песма (прим.прев.).